

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. Жданова

Юридический факультет

И. Д. КУЧЕРОВ

Основы теории дифференциации и ее использование в криминалистической экспертизе

(Диссертация написана на русском языке)

(Специальность № 12.717 — криминалистика)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени доктора
юридических наук

Ленинград — 1972 год

Автореферат
12 959

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени А. А. Жданова

Юридический факультет

КУЧЕРОВ · ИВАН ДАНИЛОВИЧ

На правах рукописи

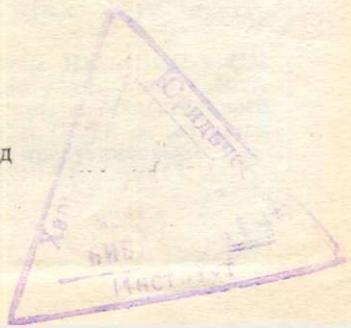
**Основы теории дифференциации и ее
использование в криминалистической
экспертизе**

(Диссертация написана на русском языке)

Специальность № 12.717 — криминалистика)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени доктора
юридических наук

Ленинград — 1972 год

1960

Диссертация выполнена в научно-исследовательском институте судебной экспертизы Министерства юстиции Литовской ССР.

Официальные оппоненты:

Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор
юридических наук, профессор А. И. ВИНБЕРГ
Доктор юридических наук, профессор А. Н. ВАСИЛЬЕВ
Доктор юридических наук, профессор В. Д. АРСЕНЬЕВ

Ведущее научно-исследовательское учреждение — Казахский научно-исследовательский институт судебной экспертизы Министерства юстиции Казахской ССР.

Автореферат разослан «11/XII...» 1972.

Защита диссертации состоится «11/I...» 1973 г. в «17...» часов на заседании Ученого Совета юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (Ленинград, С-124, ул. Смольного, дом 3, зал 2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Университета.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА

(Г. П. ЛЕВЧЕНКО)

Ленинские идеи строительства коммунизма предусматривают не только решение социально-экономических проблем, но и совершенствование общественных отношений с помощью средств экономического, идеологического и политического характера. Коммунистическая партия Советского Союза воплотила эти идеи в своей Программе. Ориентируя государственные органы и общественные организации трудящихся на усиление идеологической и организационной работы среди масс, Программа не отвергает принудительное воздействие на отдельных членов общества «пока имеются проявления преступности...»¹. В тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подчеркнуто, что общенародное социалистическое государство, продолжающее дело государства пролетарской диктатуры, «не отказывается от необходимых мер принуждения по отношению к лицам, нарушающим законы социалистического общества, его нормы и принципы»².

В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Л. И. Брежнев говорил: «Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, туеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п.»³

В последние годы Партия и Правительство приняли важные решения, направленные на усиление борьбы с преступностью в нашей стране. Речь идет о документах, ориентирующих государственные органы на решительное пресечение преступных проявлений со стороны отдельных граждан, на повышение эффективности уголовного и административного преследования правонарушителей, на улучшение качества расследования и на обеспечение органов следствия и суда квалифицированными и своевременными заключениями судебной экспертизы⁴. Как подчеркнул Л. И. Брежнев, ЦК и Правительство «продолжали осуществлять меры по **укреплению законности и правопорядка...** Улучшена деятельность милиции, прокуратуры, суда»⁵. Партия и Правительство, таким образом, решительно ориентируют государственные органы на практическую реализацию общей задачи по ликвидации преступности и порождающих ее причин, сформулированной в Программе КПСС.

1) Программа КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 106.

2) «Коммунист», 1970, № 1, стр. 14.

3) Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС. М., 1971, стр. 103—104.

4) Для примера можно назвать Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 декабря 1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и общественного порядка», Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью».

5) Л. И. Брежнев. Там же, стр. 99.

В этих условиях наука советская криминалистика обязана разрабатывать эффективные рекомендации, направленные на предупреждение преступлений, на совершенствование техники, тактики и методики следствия с тем, чтобы «ни один случай преступления не проходил нераскрытым»⁶. В решении указанной задачи немаловажная роль отводится криминалистической экспертизе вещественных доказательств.

Известно, какое большое значение придавал В. И. Ленин солидной постановке экспертизы⁷ при расследовании преступлений. Криминалисты обязаны обеспечивать социалистическое правосудие эффективно истинными, исчерпывающими и четкими заключениями. В этой связи следует отметить, что под влиянием научно-технической революции советская криминалистика достигла беспорных успехов как в области теории (работы С. П. Митричева, А. И. Винберга, Б. И. Шевченко, Р. С. Белкина, А. А. Эйсмана, И. М. Лузгина, Н. А. Селиванова, А. Н. Васильева, В. Я. Колдина, М. В. Салтевского, М. Я. Сегая, Э. М. Соколовского, Л. Е. Ароцкера и других криминалистов), так и в развитии инструментальных методов исследования⁸. Тем не менее в криминалистике имеются проблемы, заслуживающие пристального внимания. Наиболее остро стоит комплекс вопросов о методологии, логике и технико-тактических приемах (методах) криминалистического исследования сходных объектов, содержащих малый объем информативного материала, с целью их индивидуализации, отождествления и различения.

Конечно, эта проблема возникла не сейчас. В наше время неизмеримо расширился круг сходных объектов, вовлекаемых в орбиту уголовного процесса в качестве вещественных доказательств по судебным делам. Однако классическая теория криминалистики, по нашему мнению, не содержит рекомендаций, пользуясь которыми можно было бы преодолеть трудности, возникающие при исследовании таких объектов. Поэтому наука советская криминалистика нуждается в рабочей теории, которая, с одной стороны, согласуется с центральной идеей криминалистики отождествлять и различать объекты, с другой — служит инструментом практического познания, описывая методологию, способы и средства исследования сходных объектов. Представляется, что такая теория может быть разработана на базе использования той информации, которую содержат различия внутри тождества. Залогом этому являются достижения современной науки, рассматривающей различия в качестве основных носителей информации о протекающих в объективном мире процессах. У. Р. Эшби, например, назвал различия самым фундаментальным понятием кибернетики⁹.

⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 412.

⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 179.

⁸) Особый интерес вызывает применение ЭВМ в правовых науках, в том числе в судебной экспертизе, над чем успешно работают Р. М. Ландман, Л. Г. Эджубов, В. А. Пошквявичюс, И. Б. Си-роджа и другие криминалисты.

⁹) У. Р. Эшби. Введение в кибернетику. М., ИЛ, 1959, стр. 23.

Использование различий для решения задач судебной экспертизы — новая и многогранная проблема науки криминалистики. Свои посредственные задачи теоретического плана автор видит в том, чтобы исследовать:

а) объективные предпосылки, из которых вытекает научная состоятельность концепции дифференциации;

б) информативную значимость различий для установления и доказывания обстоятельств судебного дела;

в) соотношение процессов индивидуализации, отождествления и различения в познании криминалиста, а также их основные движущие импульсы;

г) возможности использования каждого из этих процессов в качестве относительно самостоятельных логических инструментов практически-познавательной деятельности криминалиста.

Теоретическая концепция не может оказаться жизнеспособной, если она не получает выхода в практику исследовательской деятельности. В этом плане в работе исследуются возможности использования различий для решения некоторых неидентификационных задач судебной экспертизы. Однако главное внимание уделяется использованию в познавательных целях внешних функций различий:

1) разграничивать однокачественные объекты (исключение групповой принадлежности);

2) выделять особенные объекты из множества однокачественных (установление предельно узкой групповой принадлежности и группового тождества);

3) индивидуализировать единичные объекты среди однокачественных (индивидуализация при индивидуальном отождествлении).

Познавательные операции, опирающиеся на использование указанных функций различий при решении задач судебной экспертизы, объединяются единым понятием **дифференциации**.

Изложенное показывает, что дифференциация тесно связана с процессами отождествления. Поэтому автор не мог уклониться от анализа существующей в криминалистике теории идентификации, с которого начинается исследование. Формулируемая концепция тождества, по мнению диссертанта, обобщает существующее в криминалистике подходы к проблеме и вскрывает естественно-научные аспекты процессов отождествления и различения. Особое внимание уделяется исследованию:

а) сущности и структуры диалектического тождества и его соотношению с принципом «**A есть A**»;

б) структуры связи между отображением (следом, копией, отпечатком, образом и т. д.) и отображаемым (оригиналом);

в) содержания таких категорий криминалистики, как индивидуальное и групповое тождество, групповая принадлежность, часть и целое;

г) научных оснований индивидуального отождествления и соотношения этой операции с дифференциацией.

С другой стороны, такой анализ необходим еще и потому, чтобы не было поводов для рассуждений о том, будто теория дифференциации предназначена для подмены теории идентификации, как и о том, будто идентификация включает в себя дифференциацию. «В собственном смысле диалектика, — учил В. И. Ленин, — есть изучение противоречия в самой сущности предметов»¹⁰.

Единство процессов отождествления и различения, равно и теорий этих процессов, обусловлено:

а) единством структуры диалектического тождества, которое лишь в абстракции расчлениается на противоположные компоненты с целью обнаружения в нем эмпирического материала для познания; б) единством отражательно-познавательного процесса, который также расчлениается в абстракции на противоположные компоненты с целью получения логических инструментов (методов) для познающей деятельности; в) единством конечной цели — получением объективно истинного вывода о тождестве на том или ином уровне или же о различии, что имеет первостепенное значение в криминалистике.

Различие этих процессов обусловлено: а) противоположностью предмета исследования; б) кругом объектов, к которым они применимы; в) направленностью познающей деятельности. Нельзя сбрасывать со счетов и того, что в судебном доказывании отрицательные факты имеют такое же значение, как и факты положительные.

При решении поставленных задач автор опирался на метод материалистической диалектики, марксистско-ленинскую теорию отражения, содержание диалектико-материалистической парной категории тождество — различие, системно-структурный метод, естественно-научную теорию информации.

Работа объемом 518 стр. машинописи состоит из шести глав и введения. Ее структура предопределена очередностью решаемых задач. В трех первых главах рассматриваются теоретические вопросы, в трех последующих обсуждаются методика и практика исследования вещественных доказательств с использованием основных функций различий. Каждая глава начинается небольшим вступлением, в котором сформулирована непосредственная задача исследования, и заканчивается выводами.

Работа иллюстрирована 72 рисунками и схемами, содержит список литературы и список обсуждаемых экспертных производств (82 номера, в том числе 12 повторных экспертиз). Ее источниками являются: 1) литература; 2) экспертная практика Центрального, Минского, Вильнюсского, Харьковского научно-исследовательских институтов судебной экспертизы; 3) практика следственных и судебных органов Белорусской ССР; 4) экспериментальные исследования и опыт экспертной работы автора с 1953 г.

I

Задача первой главы «Теория идентификации в советском доказательственном праве и основные тенденции ее развития» состоит в том, чтобы в историческом плане рассмотреть развитие взглядов

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.

тождестве и различии в криминалистике. Такой анализ поможет среди пестроты высказываний, порою противоположных одно другому, выявить необходимые, обусловленные тенденции развития теории; вскрыть преемственную связь между ее положительными достижениями и предлагаемой для обсуждения концепцией; объединить положительные достижения в единую систему.

Зарождение идентификации в криминалистике С. М. Потапов связывал с открытием А. Бертильоном «метода судебной идентификации в применении к доказательству рецидива»¹¹. Однако идентификация (и дифференциация) в форме опознания и даже экспертизы (например, каллиграфическая экспертиза) и раньше использовались в уголовном и гражданском судопроизводстве, причем использовались так же интуитивно, как используется логика и психология людьми, никогда не изучавшими эти науки. Заслуга Бертильона состоит в том, что он превратил интуитивную деятельность в сознательный и целеустремленный акт, используемый в судебном доказывании.

Теоретическое обобщение опыта применения идентификации в судебном доказывании осуществил С. М. Потапов. Характерная и, пожалуй, наиболее сильная сторона его учения об идентификации, по мнению диссертанта, состояла в том, что естественнонаучный аспект его учения опирался на достижения науки советской психологии того времени. Идентификацию он называл «способом точного узнавания», а ее сущность видел в психическом акте узнавания, выделяя при этом три плана узнавания: автоматическое узнавание; узнавание, связанное с чувством знакомства; отождествление предмета как его оформленность в понятие. Поэтому выделенные им формы применения метода идентификации (приметоописательная, аналитическая, экспериментальная, гипотетическая) выступали в качестве более и менее сложных актов узнавания.

Логический аспект идентификации, по мнению диссертанта, развит в учении С. М. Потапова гораздо слабее. Содержание категории тождества он не раскрывает и опирается на формальнологический принцип тождества: «каждый объект тождественен только с самим собой». С другой стороны, психические акты узнавания он дополнил введением в них анализа и синтеза, а также требованием учитывать движение признаков в форме их изменения, объединив эти аспекты в «принципы криминалистической идентификации».

С. М. Потапову принадлежит также идея рассматривать идентификацию в качестве специфичной методологии криминалистики, применяемой «ко всякого рода объектам, могущим быть доказательством в уголовных делах, к какой бы сфере бытия они не относились». Попытки распространить метод идентификации на весь процесс познания при расследовании и судебном рассмотрении правонарушений вызвали острую критику криминалистов (А. И. Винберг, С. П. Митричев, Н. В. Терзиев, В. М. Никифоров, Е. У. Зидер, В. Я. Колдин).

¹¹) С. М. Потапов. Введение в криминалистику. РИО ВЮА КА. М., 1946, стр. 2.

Следующий этап развития теории идентификации в криминалистике характерен усиленной разработкой ее логических аспектов и приемов использования идентификации в судебном доказывании (А. И. Винберг, А. А. Эйман, Н. В. Терзнев, В. Я. Колдин, М. Я. Серай, Р. А. Кентлер и др.). Основные итоги происходивших дискуссий, по мнению диссертанта, можно свести к следующим:

1. Методологическим основанием теории идентификации остается принцип «А есть А» (каждый объект тождествен только себе), которому дается содержательная интерпретация: признается изменение объектов, но при отождествлении вынужденно отвлекаются от различий.

2. Сущность идентификации усматривается в установлении равенства объекта себе самому в его разных состояниях.

3. Идентификация основывается на априорном признании индивидуальных любых материальных объектов, а индивидуальное отождествление рассматривается как специфическая черта криминалистической идентификации.

4. Объектами идентификации в криминалистике признаются только люди, вещи и животные; позднее было предложено дополнить этот перечень такими объектами, как сыпучие, жидкие и газообразные вещества (М. В. Салтевский, В. С. Митричев).

Интенсивное внедрение в криминалистику методов и средств математики привело к вероятностно-статистической интерпретации идентификации в криминалистике (С. П. Папков, А. П. Краснов, З. И. Кирсанов, П. Г. Орлов, В. А. Пошкявичюс и др.). Диссертант рассматривает это направление как выражение резкого сдвига методологии криминалистики в сторону естественных наук. В работе положительно оценивается разработка количественных критериев оценки признаков объектов, критика сторонниками этой концепции идеи разработки специфично криминалистического метода идентификации, увлеченности формальной логикой и др. Ограниченность этого направления, по мнению диссертанта, обнаруживается при трактовке тождества, попытках нивелировать в одной схеме сложный процесс отождествления и различения. Диссертант находит, что это направление описывает процессы дифференциации и индивидуализации отношения «вещи к вещи», вооружая их математическим аппаратом. Процессы идентификации, хотя авторы того или нет, оказались вне рассмотрения.

Параллельно с разработкой указанных направлений теории идентификации некоторые криминалисты развивали идею С. М. Потапова о специфичном методе криминалистической (судебной) идентификации (М. Я. Серай, А. А. Эйман и др.). Анализ работ, посвященных этому вопросу, приводит к выводу, что авторы, конструируя модель «метода криминалистической идентификации», не достигли пока не только единства модели, но и единства теоретического подхода. По мнению диссертанта, это объясняется отнюдь не творческими неудачами исследователей, а отсутствием объективных предпосылок для существования специфичного метода идентификации. Этой тенденции диссертант противопоставляет альтернативу: рассматривать

идентификацию (и дифференциацию) в криминалистике как применение естественнонаучной идентификации и дифференциации к явлениям, изучаемым криминалистикой. Такой подход к проблеме усиливает научную состоятельность указанных процессов. Дело в том, что различение и отождествление — функция высокоорганизованных живых систем, являющаяся продуктом приспособительной эволюции. Человек реализует ее постоянно в своем производственном и «бытовом» общении. Такая форма судебной идентификации, как опознание людей и иных материальных объектов, есть лишь проявление способности к восприятию реальных объектов, запоминанию, воспроизведению отображения в виде идеального образа, его сравнению с реальным (представленным) объектом. Научная идентификация (с дифференциацией) представляет собой сознательное и целенаправленное использование естественного свойства людей к различению и отождествлению, превращение этого свойства в инструмент логики. Понятно, что такой инструмент имеет универсальное значение, применяется в любом, даже элементарном акте познания. Применение идентификации и дифференциации в криминалистике характеризуется следующими особенностями: а) Кругом объектов. Криминалистика исследует те объекты материального мира и те их стороны, которые связаны с правонарушением и содержат информацию о доказательственных фактах. б) Общей тенденцией к определенному уровню отождествления, а именно — к индивидуальному отождествлению, что связано с потребностями доказывания в судебном процессе. в) Правовой формой познавательных процессов отождествления и различения.

Такой подход к пониманию природы идентификации позволяет четко определить ее роль в доказывании по судебным делам, избежать растворения идентификации в процессах доказывания или, напротив, сводить процессы доказывания к идентификации.

Несмотря на то, что основные направления в развитии теории идентификации существенно различаются между собой, общим для них остается формальнологическая интерпретация тождества. Поэтому для криминалистики принципиальное значение имеет ответ на вопрос, может ли принцип «А есть А» служить методологическим основанием теории идентификации?

Опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма о противоречиях как ядре диалектики, диссертант показывает односторонность, узость этого принципа. Из анализа логических структур индуктивных и дедуктивных умозаключений, полученных с соблюдением принципа тождества, видно, что эти структуры не выражают сущности отождествления, так как ни одна из посылок не раскрывает эмпирического основания для отождествления. Еще Лейбниц отметил, что эмпирические данные недоказуемы средствами логики. Ему же принадлежит трактовка тождества не в плане равенства вещи себе самой, а в плане равенства двух вещей друг другу. В советской философии предложен метод анализа связей при эмпирическом познании, ведущий к получению выводов, структурно-отличающихся от индуктивных и дедуктивных умозаключений; метод может использоваться для структурного анализа отношения тождества — различия.

Для четких представлений о том, почему принцип «А есть А» недостаточен для теории отождествления и различения реальных объектов, с которыми более всего имеет дело криминалистика, важно уяснить сущность тождества объективного, субъективного и формально-логического. Этот вопрос решается диссертантом по аналогии с соотношением объективной и субъективной диалектики, проведенной Ф. Энгельсом. Объективное тождество — это состояние вещей реального мира и отношения между ними, тождество субъективное является лишь отражением в сознании познающего субъекта объективного тождества. Тождество формально-логическое в его диалектико-материалистическом истолковании — это то существо субъективное тождество, формализованное абстрактностью понятий. Принцип конкретности тождества, относящийся к тождеству субъективному, обязывает исследователя учитывать действие внутренних импульсов, изменяющих состояние изучаемой системы; воздействие на характер изменения внешних факторов, с которыми связана система; скорость изменения ее свойств и количественный показатель времени между разновременными состояниями системы.

II

Центральное место во второй главе «Место различий в структуре диалектического тождества и объективная природа судебных доказательств» отводится разработке структурной модели диалектического тождества, исследованию ее информационного содержания и объективных источников дифференционных процессов, формулировке определенных основных категорий криминалистики (индивидуальности и индивидуального тождества, группового тождества, групповой принадлежности, части и целого).

Модель диалектического тождества кратко можно представить в виде следующих двух принципов:

а) **Принцип, характеризующий состояние реальных объектов и их изменение во времени (тождество-состояние).** Процесс изменения материальной системы А можно описать в виде последовательного ряда переходов из одного состояния в другое за принятую для измерения единицу времени. В любой момент времени, с которого начинается изучение системы, она оказывается равной **тождественной себе**, потому что ее характеристики, отношения между ними и со средой определенным образом упорядочены; не тождественных себе объектов вообще существовать не может. Поэтому представляется спорным определение идентификации как установления равенства объекта себе самому в его разных состояниях.

Однако система в состоянии $A_n(t_n)$ не может быть во всех отношениях равной системе в состоянии $A_1(t_1)$. Переход системы из состояния в состояние сопровождается изменением наиболее подвижных характеристик и переносом из состояния в состояние стабильных, а каждое данное состояние включает в себя изменения (различия), характеризующие предыдущие состояния.

Таким образом, первый принцип можно сформулировать так: любая реальная система в каждом данном состоянии равна себе и не равна другому своему состоянию: А есть А и не — А.

В формулировке подчеркнут, во-первых, временной критерий состояния, значение которого для практического познания состоит в том, что он определяет «точку отсчета» возникающих в системе новых признаков. Во-вторых, в него введено понятие отношения равенства, которое выражает преемственность стабильных свойств при переходе системы из одного состояния в другое. Соотношение между стабильным и изменяющимся можно выразить путем деления среднего члена неравенства. Тогда левая часть неравенства будет выражать относительно стабильные свойства, которые в течение определенного времени позволяют устанавливать тождество изменяющегося субъекта в его новом состоянии; правая часть — различия в состоянии, аккумулярованные с течением времени, «историю» объекта. Без их исследования (обнаружения и оценки) не может быть установлено «генетическое» тождество. Кроме того, они служат самостоятельным материалом для разрешения многих задач судебной экспертизы.

В концепции разнообразия информация иногда отождествляется с различиями внутри тождества (А. Д. Урсул). Диссертант полагает, что не только различия, но и стабильное, тождественное среди различающегося, т. е. левая часть приведенного неравенства, обладает информативным содержанием.

Диссертант решительно отмежевывается от концепций, ведущих к отрицанию материальной (объективной) природы информации или связывающих наличие информации с присутствием субъекта, активно использующего информацию, например, следователя, эксперта, суда. При анализе информации и определении ее связи с судебным доказыванием необходимо различать, по меньшей мере, два ее аспекта: онтологический и гносеологический. Онтологический аспект информации — это функция взаимодействия материальных систем любой природы и изменения их состояний в результате взаимодействия. Гносеологический — это вычленение познающим субъектом из продукта взаимодействия той части информации, которая служит интересам и целям субъекта, преобразование потенциальной (объективной) информации в актуальную (субъективную).

б) Принцип, характеризующий отношение между объектами (тождество-отношение). Второй стороной диалектического тождества является характеристика отношения (связи) между реальными системами. Тождественное выражает отношение равенства, единообразия, одинаковости в сравниваемых системах, различие — ограниченность данных систем от всего другого.

Отношение тождества возникает, во-первых, при взаимодействии относительно самостоятельных систем, в результате которого в одной из систем формируется образ (модель, отпечаток, копия) другой системы или ее отдельных свойств при взаимоотражении. Во-вторых, единством генеалогии живых систем, скажем, животных определенного класса. В-третьих, единством производственного происхождения искусственных систем, например, изделий, изготовленных на одном станке. В-четвертых, принадлежностью частей целостной интегративной системе.

Принцип, характеризующий отношение тождества между системами, символически можно записать так: A есть B и не- B , где A — реальный тождественный себе объект, B — его отображение (или отображение другого объекта того же класса), однокачественная с A система или же часть целостной системы. При этом каждое B оказывается тождественным себе. Различие символики означает, что объект не может быть равным другому во всех своих свойствах (сторонах, отношениях). Информативным содержанием обладают обе части неравенства: как то, в чем два и более объекта тождественны друг другу, так и то, в чем они различаются.

С позиций описанных представлений о диалектическом тождестве становится очевидным, что содержание идентификационных и дифференциальных исследований составляет установление отношения (связи) тождества или различия между объектами. Такой подход к проблеме хорошо согласуется с теми следствиями, которые вытекают из эмпирической трактовки принципа « A есть A », данной еще Лейбницем. Если исходить из того, что тождество есть определенное отношение между двумя объектами, каждый из которых всегда тождественен себе, то правило рефлексивности получает такую формулировку: « A есть A и B есть B ». Правило симметричности можно сформулировать так: если $A=B$ в определенном информативном содержании, то и $B=A$ в этом же содержании. Правило транзитивности выражается формулой: если $A=B$ в определенном информативном содержании и $B=C$ в этом же содержании, то и $A=C$ в том же содержании.

Обсуждая методологические вопросы теории судебных доказательств и судебной экспертизы, автор приходит к выводам, что диалектико-материалистическая теория отражения убедительно объясняет объективную природу судебных доказательств, что принцип адекватности отображения воздействию — это ключ к отысканию объективной истины по судебным делам. Важнейшее объективное свойство судебных доказательств — их относимость к судебному делу — объясняется не одной причинно-следственной связью, но и такими видами связи, как временная и пространственная, субстанциональная и геналогическая, связь преобразования, тождества и др. Определенные относимости должны отражать, по меньшей мере, следующие существенные признаки: 1) объективный характер этого свойства судебных доказательств, 2) объективность и разнообразие связей, характеризующих доказательства, 3) возникновение этих связей при взаимодействии: в стадиях подготовки, совершения и сокрытия правонарушений. В работе предлагается определение в такой редакции: относимость доказательств к судебному делу — это их объективное свойство, обусловленное совокупностью связей (отношений), возникающих при взаимодействии объектов материального мира в стадиях подготовки, совершения и сокрытия правонарушения.

Различия в состоянии тождества объектов, возникшие в процессах взаимодействия, в зависимости от их связи с правонарушением можно разделить на два основных вида: спонтанные — непосред-

венно не связанные с правонарушением, и случайные — связанные с правонарушением¹². В работе показано, что обе группы различий используются криминалистикой в процессах познания. На оценку спонтанных различий, выражающих **неодинаковость изменения и меру изменения объекта**, опираются методики дифференциации однокачественных объектов, методики определения интервала разностного состояния одного и того же объекта, в частности, методики установления «возраста» документов, чернильных штрихов, давности выстрела, «возраста» потожирового отпечатка пальцев рук, времени выполнения машинописного текста и др. Однако основным предметом исследования в криминалистике остаются случайные различия в состоянии. От случайного изменения в состоянии тождества объекта как определенного следствия к установлению действовавших факторов и условий их действия — такова, по мнению диссертанта, упрощенная формула выяснения обстоятельств судебного дела методами криминалистики.

Структура отношения тождества включает в себя два взаимодействовавших материальных объекта и связь между ними как функцию взаимодействия. Основное внимание в работе уделяется закономерностям формирования адекватного отображения (образа, копии, отпечатка объекта) при взаимодействии объектов и характеристике связи между отображением и отображаемым. При этом подчеркивается, что отображение, образ действовавшего объекта или отдельные его свойства и являются тем средством, с помощью которого отождествляются и различаются материальные объекты. В процессах эмпирического познания материальное отображение объекта всегда трансформируется в идеальный образ. Для характеристики связи между отображением и отображаемым недостаточны такие понятия, как аналогия, подобие, сходство, изотипность, гомоморфность, изоморфность, каждое из которых характеризует лишь отдельные стороны отношения между отображением и отображаемым. В диссертации обосновывается мнение о том, что категория тождества, выражающая **отношение равенства некоторого объема информативного содержания отображения и отображаемого**, обобщает все эти специальные понятия, но этот уровень обобщения ниже обобщения принципом адекватности. В практически познавательном плане отношение тождества между отображением и отображаемым означает, что: 1) точно установлена природа воздействия, класс действовавших объектов или индивидуальный объект; 2) никакие другие объекты, кроме установленных в процессе познания, в данном случае не действовали (отграничение); 3) в отображении зафиксировано такое количество информации о воздействии и действовавшем объекте, при котором познание в состоянии без ущерба для истины приравнять объект к его отображению, замещать их местами и рассматривать их как одно и то же в пределах вида, рода, класса, группы, индивидуального.

С позиций представлений об отношении тождества и различия формулируются определения основных категорий, которыми опери-

¹² М. В. Салтвским предложена иная классификация различий. См. Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе. Автореферат докторской диссертации, Харьков., 1969, стр. 8.

руёт в криминалистике при отождествлений и различений. Индивидуальное тождество — это логическая категория, выражающая связь между отображением (образом) и отображаемым объектом, связь, которая индивидуализирована в конкретном исследовании. Категория группового тождества выражает отношение (связь) отображения к классу объектов, когда невозможно индивидуализировать отношение между единичным объектом и отображением. Отсюда видно, что возможности индивидуального отождествления основываются не на признании всеобщности индивидуального, а на бесспорных положениях о том, что вещам присущи свойства, существующие объективно, что через эти свойства вещи взаимодействуют (движение), что в процессах взаимодействия свойства вещей адекватно отображаются в виде идеального (материального) образа с определенным объемом информативного содержания, который и выступает в качестве средства отождествления и различения.

С другой стороны, отождествление и индивидуализация — противоположно направленные процессы. Идентификация направлена на выявление равного (единообразного, совпадающего) в сравниваемых объектах, ибо без равенства нет тождества; индивидуализация, напротив, направлена на обнаружение различающегося в сравниваемых объектах, ибо единственным критерием индивидуальности объекта является его отличие, оригинальность. Вот почему тождество и индивидуальность отнюдь не синонимы.

Практика человеческого познания показывает, что существуют вещи, индивидуальные всегда и во всех отношениях, например, шедевры изобразительного искусства; объекты, лишённые индивидуальности, например, элементарные частицы; и объекты, которые можно индивидуализировать в процессах познания по отношению к ограниченному множеству таких же объектов. Индивидуализация объектов грешей группы, с которыми более всего сталкиваются криминалисты, основывается на опытной либо на подсчитанной вероятности неповторения данного отношения между двумя объектами среди строго ограниченного множества однокачественных объектов. Такую индивидуальность мы называем статистически вероятной, потому что она описывается закономерностями теории вероятностей и математической статистики. В познавательных актах отождествления и различения индивидуальность выступает в качестве гносеологической категории.

Категория групповой принадлежности выражает отношение тождества между однокачественными неразличимыми системами. Определение включает в себя принцип тождества неразличимых, принятый в математической логике (принцип Лейбница — Рассела). В работе показаны различия между категорией группового тождества и групповой принадлежности, которые не позволяют их смешивать или подменять одну другой.

Наконец, четвертым частным случаем отношения тождества является отношение части и целого, принципиальные аспекты которого исследуются в работе.

В этой же главе выясняется и роль различий при отождествлении объекта. Отмечается, в частности, что при установлении отношений

индивидуального и группового тождества различия могут быть трёх групп: а) выявленные при сравнении отображения не с отображаемым, а с другим объектом этого же класса; б) возникшие в результате специфики процесса взаимодействия и возникновения отображения, повлекшей искажения признаков при их трансформации от объекта к отображению; в) вызванные изменениями в состоянии отображения и отображаемого за время, протекшее с момента взаимодействия до момента фиксации состояния. Если две последних группы различий являются внутренними и объективно не исключают отношения тождества между отображением и отображаемым, то внешние различия первой группы, выражающие несовместимость признаков, являются основанием отрицания отношения тождества. Очевидно, что залогом объективно верного вывода о тождестве или его отсутствии является правильная оценка различий всех групп и, главным образом, правильное различение (дифференцирование) внешних различий от внутренних.

Особое внимание в этой главе уделяется различиям как средству индивидуализации при отождествлении, ибо своеобразие индивидуального объекта состоит не в том, что он — тождество с собою, а в том, что он ограничен различиями от других материальных форм. Индивидуализация не достигается поэтому количественным ростом исследованных характеристик объекта, потому что это не даёт представлений о том, какие из них являются действительно отличительными, выражающими ограниченность данного объекта от всех подобных. Количественный объём установленных характеристик должен дополняться их сравнением и оценкой с точки зрения выбора отличающегося. Но и сравнение может быть эффективным в случаях, когда число подлежащих сравнению объектов предельно ограничено и можно выбрать отличительные признаки.

Различимость состояний объекта также недостаточна для индивидуализации. Пределы изменения состояний сопоставимых объектов ограничены, а изменения однонаправлены либо в сторону упорядоченности системы, либо к энтропии. Поэтому всегда существует вероятность совпадения состояний, которая тем выше, чем больше сопоставимых объектов. Чтобы объект мог быть индивидуализирован, различия должны отвечать, по меньшей мере, следующим требованиям: а) быть относительно устойчивыми во времени; б) относиться к качественным или количественным характеристикам объекта, т.е. быть существенными, собственными, присущими на данное время; в) быть действительно отличительными; г) составлять совокупность, образующую уникальное сочетание, неповторимое в определенном круге однокачественных объектов и тем самым придающее объекту качество индивидуальности.

Различия проявляют себя и как противоположность тому общему, из которого вычленяется объект, и как собственная характеристика объекта, благодаря которой мы узнаем его, отличая от всех подобных. Очевидно, что различение — единственное средство индивидуализации объектов в процессах идентификации.

III

Третья глава «Отождествление и различение как средство получения судебных доказательств» посвящена исследованию основного содержания процессов отождествления и различения, а также теоретическим и практическим вопросам дифференциации (различения).

Диалектическое тождество, как было показано, включает в себя противоположные компоненты, которые отражаются в сознании исследователя в процессе познания. Это позволяет **расчленивть в абстракции единый процесс познания на два относительно самостоятельных процесса — отождествление и различие**, исследовать их движущие импульсы и использовать их в качестве логических инструментов практического познания.

В структурной схеме процесса отождествления отображаемого объекта по его отображению (образу) легко заметить главную особенность: объем идентификационного поля строго предопределен, детерминирован свойствами отображаемого. Поэтому при сравнении отображения с отображаемым объектом по существу исследуются одни и те же признаки, которые оказываются совпадающими: те признаки отображаемого, которые трансформированы в отображение и восприняты отображаемым в виде изменения собственного состояния. Это единство, равенство, совпадение признаков сравниваемых объектов и позволяет устанавливать групповое или индивидуальное тождество. Вот почему идентификацией является открытие равного, совпадающего в объектах, а отсутствие совпадений означает отсутствие тождества.

Разумеется, при поиске равного между объектами обнаруживаются и сцениваются различия. Однако этот процесс является сопутствующим, подчиненным. Отсюда вытекает определение идентификации как познавательного процесса исследования (обнаружения и оценки) совпадающих признаков между объектами с целью обнаружения между ними объективной связи тождества или различия.

Изложенный подход содержит лишь одно ограничение для объектов идентификации в криминалистике: они должны обладать свойством относимости к судебному делу. Поэтому объектами идентификации могут быть: 1) Материальные объекты в широком смысле слова (люди, вещества, предметы, животные) и их выделенные свойства, идеальные образы объектов. 2) Процессы. Например, установление способа нанесения оттиска печати на документ, способа изготовления фанше и т. п. задачи являются отождествлением процессов. 3) Различные состояния одного и того же объекта. 4) «Участки пространства и «моменты времени» (С. М. Потапов), т. е. установление факта пребывания или отсутствия материальных объектов в определенное время в данном месте.

Познавательные функции различий не исчерпываются той ролью, которую они выполняют при установлении отношения тождества между отображением и отображаемым. Обнаружение и правильная оценка различий между однокачественными системами позволяет разграничивать их на разные внутри одного классификационного звена и тем самым открывать **особенные материальные формы** внутри однокачественного. Если различия в таких объектах существенны, они характеризуют новые тенденции в развитии материальных форм, а также генеалогическое или производственное различие между объектами, разделенными пространством. Наконец, как уже отмечалось, различия ведут к индивидуализации объектов.

Основная функция различий состоит в том, чтобы разграничивать однокачественные объекты; все остальные функции — лишь следствия из нее. Дифференциация — это и есть познавательный процесс

исследования различий между однокачественными объектами, объединенными принадлежностью к роду, классу, виду, группе с целью исключения их групповой принадлежности или обоснования предельно узкой групповой принадлежности, вплоть до выделения единичного объекта (индивидуализация).

Относительная самостоятельность процессов дифференциации обусловлена предметом исследования (различия, а не совпадения), характером объектов (однокачественные системы, а не отображение и отображаемый, не части целого), целью исследования (разграничение однокачественного или констатация отсутствия различий). В работе на анализе практики криминалистической экспертизы показано, что процессы дифференциации являются самостоятельным средством установления и доказывания обстоятельств судебного дела.

Наиболее эффективно применять идентификацию к исследованию отношения отображение-отображаемый и к отношению целого и частей, потому что в этих исследованиях идентификационные поля строго очерчены. Однако использование идентификации при исследовании связи между однокачественными объектами оказывается менее эффективным. Это объясняется следующим:

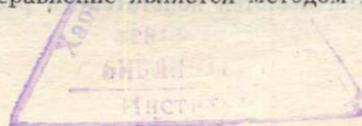
Во-первых, однокачественные системы с момента своего возникновения объединены друг с другом отношением тождества в форме групповой принадлежности и у них всегда присутствует множество совпадающих характеристик.

Во-вторых, при исследовании совпадающего между однокачественными системами всегда существует риск за массой совпадений упустить из обсуждения и оценки различия. Не случайно органы следствия и суда, как это показано в работе на анализе практики, чаще всего не считают доказательством выводы экспертизы о групповой принадлежности, если в заключении эксперта не исследованы и убедительно не объяснены различия.

В-третьих, если ориентировать исследование на сравнение всех признаков однокачественных систем, начиная с совпадений, то обнаруженные различия выступают в качестве побочного продукта исследования. Но именно они требуют особого подхода к оценке, потому что содержат в себе максимум информации.

В работе анализируются положительные и нежелательные тенденции практики, исследуются логические структуры вывода, разграничивающего однокачественные объекты, рассматривается значимость самостоятельных и производных признаков при дифференциации, с теоретических позиций обосновывается возможность установления групповой принадлежности через дифференциацию.

Методом, с помощью которого осуществляется отождествление и различение, является сравнение. Без сравнения, без соотнесения чего-то с чем-то невозможно выявить признаки объектов, не будет анализа и синтеза, абстракции и обобщения. Идентификация и дифференциация базируются на этих приемах познания, среди которых сравнению принадлежит центральное место. Именно сравнение пронизывает всю деятельность по обнаружению, собиранию и исследованию судебных доказательств (Р. С. Белкин). В работе поддерживается мнение С. П. Митричева о том, что сравнение является методом науки криминалистики.

Сравнивающая деятельность протекает в двух формах: в форме непосредственного и опосредствованного сравнения. В первом случае исследователь имеет в своем распоряжении не менее двух чувственно воспринимаемых объектов, признаки которых сравниваются между собой. При опосредствованном сравнении реальные объекты могут отсутствовать, но сравнение осуществляется по представлениям о признаках этих объектов, представлениям, основанным на опыте, знаниях, на имевшем место восприятии этих свойств в прошлом. Соблюдение правила сопоставимости в процессе сравнения, теоретические основы которого излагаются в работе, является залогом правильного отождествления и различения.

От форм сравнения надо отличать технические приемы фиксации и иллюстрации результатов сравнения, например, словесное описание признаков, их схематизированное изображение, наложение, совмещение и др.

Заканчивается глава обсуждением природы доказательственных фактов, полученных неидентификационными исследованиями. Автор приходит к выводу, что многие из таких фактов получают в результате исследования изменений (различий) в состоянии тождества материальных систем.

IV

В главе четвертой «Дифференциация как средство доказывания обстоятельств судебного дела (практика технической экспертизы документов)» исследуются вопросы практической реализации основной функции различий разграничивать однокачественные объекты. Опыт технической экспертизы документов, в которой довольно тщательно разработаны приемы дифференциации материалов документов, может использоваться для разработки дифференционных методов в других отраслях судебной экспертизы.

Приемы дифференциации в технической экспертизе документов опираются на следующие теоретические положения.

Изготовление документа протекает в определенной последовательности, а условия завершения каждой стадии его изготовления остаются относительно стабильными. К ним относятся: однокачественность используемых материалов, относительное постоянство внешних условий, относительная стабильность навыков у изготовителей документа. Все это обеспечивает качественную одинаковость соответствующих частей документа.

Изменения, фальсифицирующие документ, вносятся по истечении определенного времени после его оформления, что неизбежно связано с возникновением различий в его состоянии. Для установления факта фальсификации документов используются пять групп признаков-различий: характеризующие необычную топографию записей: необычные формы, размеры знаков и перерывы в непрерывных штрихах; неодинаковые навыки письма (графические признаки); различные пишущие приборы (трассологические признаки) и самая большая группа — неодинаковые свойства материалов письма.

Особенность дифференциации в технической экспертизе документов состоит в том, что в процессе исследования чаще всего устанавливается одновременно выполнение частей документа, иногда ограничиваются констатацией различия. Установление этого факта —

достаточное основание, например, для установления дописки, вставки, подрисовки и т. п., а различия отдельных признаков — лишь предпосылка для его констатации. В этих исследованиях эксперт не решает задачи, является ли внесенное изменение в документ поправкой случайной ошибки или актом фальсификации, потому что она относится к правовой области.

В работе рассматривается эффективность современных методов выявления дифференцирующих признаков в одноцветных материалах письма и даются рекомендации по оценке различий. Отмечено, в частности, следующее:

а) различия в микроструктуре сравниваемых штрихов, характеризующие неодинаковый состав красящих компонентов растворов, различную степень коагуляции красителя или неодинаковые условия хранения растворов — достаточные основания для дифференциации объектов. Эти признаки устанавливаются световой микроскопией в различных зонах спектра, электронной микроскопией, с помощью электронно-оптических преобразователей, электрофореза и другими методами;

б) различия люминесцентных свойств сравниваемых штрихов в крайней красной и ближней инфракрасной части спектра также позволяют дифференцировать объекты. При оценке этого различия необходимо устанавливать причины гашения люминесценции с тем, чтобы собственное свойство раствора гасить люминесценцию можно было отличить от гашения, вызванного случайными причинами;

в) копирующая способность штрихов зависит от совокупности многих факторов: растворимости красителя и его количества; свойств заустителя; скорости диффузии, определяемой не только техникой осуществления метода, но и характером раствора (коллоидный или истинный); способностью красителя абсорбироваться элементарными блоками бумаги; «возрастом» штрихов, а для красящих смесей карандашей — еще и степенью жирования некоторых компонентов. Различия в копирующей способности сравниваемых штрихов также являются существенными признаками для их дифференциации;

г) одноцветные карандашные штрихи также удается дифференцировать по степени твердости, по соотношению органических и неорганических компонентов, по свойствам органических красителей, для чего пользуются различными методами;

д) для дифференциации одноцветных материалов письма можно иногда использовать трассологические методы с целью обнаружения различий в следах пера, характера пишущего прибора, свойств мины карандаша и особенностей его заточки, а также простые химические реакции, монохроматические интерференционные светофильтры и др. методы.

Для доказывания факта фальсификации документа целесообразно обнаруживать не отдельные изолированные различия, а совокупность взаимосвязанных различий, что достигается правильным сочетанием нескольких методов. Это делает выводы эксперта всесторонне обоснованными и, вместе с тем, является средством взаимопроверки результатов исследования.

В главе «Идентификация через дифференциацию (опыт трассологии неогнестрельных отверстий на одежде)» разрабатываются принципиальные положения построения методик отождествления через различие. Возможности для этого заложены во второй функции различий: выделять из общего особенные объекты, следовательно, в процессе познания устанавливать предельно узкое групповое тождество либо предельно узкую групповую принадлежность.

Повреждениями одежды мы называем такие обусловленные данной ситуацией изменения в ее состоянии (случайные изменения состояния тождества), которые выражаются в нарушении целостности ткани. В понятие повреждения не включены следы-отпечатки и следы-наслоения.

Повреждения одежды могут быть двух видов: царапины и отверстия. Первые являются следами движения острого предмета, вызывающего расчленение верхних волокон нитей, вторые — следами воздействия, в результате которого полностью расчленяются нити или же резко уменьшается плотность ткани.

Отверстия, в свою очередь, делятся на огнестрельные и неогнестрельные. Обе группы отверстий отражают, главным образом, механические воздействия и по внешним характеристикам нередко бывают весьма сходными. В таких случаях для их дифференциации прибегают к помощи криминалистической экспертизы.

Неогнестрельные отверстия по механизму причинения можно разделить на две группы: отверстия-разрывы и отверстия-разрезы; встречаются комбинированные отверстия, сочетающие разрез с разрывом. Выделяют также повреждения одежды от действия химических веществ, высокой температуры, технического и атмосферного электричества. Наиболее типичными объектами трассологической экспертизы являются механические повреждения.

В работе освещаются теоретические и практические аспекты трассологии неогнестрельных отверстий на одежде. В частности, обосновывается комплексный характер исследованных отверстий на одежде. В теоретическом плане эта проблема ставится так: при взаимодействии материальных объектов решающее значение для возникновения отображения принадлежит воздействию объекта. Однако воспринимающий объект вовсе не пассивен к воздействию, а противостоит ему. Поэтому воспринимающий объект, фиксируя воздействие, отдает часть свойств (энергии, субстанции и т. д.) воздействию. Эти свойства далеко не всегда могут быть исследованы методами трассологии. Опыт экспертных исследований показывает, что для отождествления воздействовавшего объекта зачастую решающее значение имеет исследование микрочастиц материалов, отображенных при взаимодействии на воспринимающем и воздействующем объектах.

Первым этапом трассологического исследования отверстий на одежде является их дифференциация на разрезы и разрывы. Разрывы отличаются от разрезов следующими признаками: выступающие по сторонам отверстий нити неровные, что объясняется неодинаковой

толщиной нитей и их прочностью на разрыв; выступающие по сторонам концы нитей разволокнены — результат растяжения волокон нитей; по сторонам отверстий продольные нити выпадают и свисают в отверстия.

Стороны отверстий-разрезов содержат прямо противоположные характеристики.

В отверстиях, сочетающих разрыв с разрезом, необходимо по возможности точно устанавливать границу разреза и разрыва. В случаях разрыва ткани по линии машинной строчки может имитироваться разрез.

Дифференциация отверстий на разрывы и разрезы является зачастую положительным решением задачи и даже исчерпывает объем исследования.

При исследовании отверстий-разрывов необходима дальнейшая их дифференциация, потому что следственным и судебным органам важно разграничить разрывы на отверстия, причиненные колющим оружием, и отверстия иного происхождения. Дифференцирующими признаками разрывов являются:

1. При действии колющего орудия отверстия-разрывы бывают больших размеров, тогда как иной механизм вызывает значительные повреждения ткани.

2. Колющее орудие разрывает ткань в границах контакта, тогда как при ином механизме вызывается натяжение и разрыв ткани за пределами контактов.

3. Колющие предметы не вызывают уменьшения плотности ткани за пределами контакта, тогда как иной механизм разрыва сопровождается разрежением ткани.

Разрывы ткани, не типичные для действия колющих орудий, оказываются типичными для воздействия транспортных средств, хотя и при транспортных происшествиях возможно возникновение разрывов по типу действия колющих орудий и даже разрезов. Такая казустика рассматривается в работе. Положительным решением задачи является дифференциация отверстий на эти две группы, исключение одной из вероятных причин, ибо обратной стороной этого процесса является групповое отождествление объектов причинения. И только после этого может возникать вопрос о характеристиках колющего орудия, отобразившихся в отверстиях, и об отождествлении группы орудий причинения или представленного объекта.

Отверстия-разрезы дифференцируются по виду орудий причинения на отверстия-разрубы; отверстия, причиненные режущими орудиями, и отверстия, причиненные колюще-режущими орудиями. Дифференцирующими признаками, разграничивающими эти группы отверстий, и, с другой стороны, позволяющими отождествлять класс орудия причинения, являются:

а) для разрубов — строго линейная форма линии разреза, ее значительная длина, отсутствие участков-перемычек, разрежения ткани и др.;

б) для разрезов, причиненных режущими орудиями, — наличие участков с перасчлненной тканью или со следами надрезов, изгибы линии разреза у концов отверстий, надрезы ткани у концов отверстий либо следы-царапины;

в) для разрезов, причиненных колюще-режущими орудиями, которые имеют не менее двух острых контактирующих поверхностей, единственным типичным дифференцирующим признаком является относительно малая длина отверстия или длина его прямолинейного участка.

Разумеется, колюще-режущее орудие может действовать и как режущее. Тогда невозможно отличить причиненное им отверстие от отверстий, причиненных режущими орудиями, и дальнейшее исследование для отождествления группы орудий причинения, тем более конкретного колюще-режущего орудия, становится беспредметным. Это обстоятельство убедительно иллюстрирует зависимость отождествления от результатов дифференциации.

Когда установлено, что отверстие-разрез причинено одним из объектов определенной группы, ставится задача сужения пределов группового отождествления, а затем рассматриваются возможности перехода к установлению индивидуального тождества. И только при исследовании разрезов, причиненных режущими орудиями, индивидуальное отождествление методами трассологии в большинстве случаев невозможно. Это объясняется динамичностью контакта режущего объекта, вследствие чего отображаются далеко не все его общие характеристики, а частные — «смазываются» в отображении.

При исследовании отверстий, причиненных колюще-режущими орудиями, действовавшими именно в качестве колюще-режущих, узкое групповое отождествление является обычным, когда клинок имеет существенные особенности формы, например, утолщенный обух, два и более режущих лезвия, диспропорции в плоскостях и др. Установление отношения индивидуального тождества возможно при наличии трех условий: режущие поверхности имеют существенные особенности, размеры этих особенностей больше структурных единиц ткани, погружение клинка в преграду происходило под прямым углом к ней или при наклоне лезвия, имеющего особенность в плоскости разрезания.

В работе подробно рассматриваются условия, при которых отображаемость характеристик клинка наиболее адекватна; способы точных измерений и вычислений; возможности отрицания отношения тождества между отверстием и представленным для сравнения колюще-режущим орудием и другие смежные вопросы.

Таким образом, процесс исследования неогнестрельных отверстий на одежде состоит из ряда этапов дифференциации исследуемых объектов и завершается отождествлением группы орудий причинения или единичного объекта.

Особо обсуждается вопрос о судебно-следственной оценке выводов экспертизы о групповом тождестве (групповой принадлежности) и о переходе от общего к частному с помощью логических средств в стадии оценки доказательств.

Групповое отождествление, в том числе предельно узкое, выражает связь между отображением и классом объектов, а групповая принадлежность — связь между равноценными объектами. Для перехода от общего к частному в стадии экспертного исследования необходимо установить, помимо неразличимости общих признаков, совпадение индивидуальных характеристик. А это не всегда возможно. Увеличение же числа совпадений общих характеристик не всегда

дает достаточное основание для перехода от общего к частному. Однако такой переход вполне возможен в стадии оценки доказательств, когда удается учитывать частоту встречаемости объектов с данными характеристиками и особенности преступной ситуации¹³. В работе указываются три случая, когда такой переход возможен:

1. Когда доказано, что в конкретной преступной ситуации не было и не могло быть других объектов, кроме тех, относительно которых экспертизой установлено предельно узкое групповое тождество (групповая принадлежность).

2. Когда вывод экспертизы о групповом тождестве (групповой принадлежности) исчерпывающе описывает причины и механизм происхождения либо природы объектов.

3. Когда вывод о групповом тождестве (групповой принадлежности) по объему информации полностью совпадает с доказываемым фактом.

Разумеется, этими случаями не исчерпывается практика. Однако всегда при переходе от общего к частному (к индивидуальному) с помощью логических средств должны быть убедительно показаны основания для такого перехода. Немотивированного приравнивания группового тождества (групповой принадлежности) к индивидуальному не должно быть, так как это может привести к серьезным ошибкам.

VI.

В главе VI «Индивидуализация конкретного отношения между объектами в процессе отождествления (основы использования различий в судебном почерковедении)» исследуется третья функция различий — индивидуализация объектов. Ее анализ осуществляется на материалах наиболее сложного вида криминалистической экспертизы — исследования сходных почерков с целью отождествления исполнителя рукописи (подписи). Разработанная методика идентификации исполнителя рукописи через дифференциацию почерковых объектов, по мнению диссертанта, отражает естественную направленность движения познания при индивидуализации объектов; она представляет собой ту логическую модель, которая практически реализована (независимо от наших работ) в дифференционно-идентификационном алгоритме Б. Н. Козинца, Р. М. Ланцмана, В. А. Якубовича для отождествления исполнителя рукописи с помощью ЭВМ.

Принцип индивидуальности почерка, вытекающий из эмпирических наблюдений **различности** между почерками, вовсе не снимает задачи индивидуализации почерковых объектов в процессах отождествления. Разнонаправленность индивидуализации и идентификации обязывает рассмотреть некоторые теоретические вопросы судебного почерковедения.

¹³ Спорным пока остается вопрос, должен ли эксперт, завершив исследование установлением предельно узкого группового тождества (групповой принадлежности), указывать условия, при наличии которых возможен переход от общего к частному логическим путем. На него мы отвечаем утвердительно, тогда как некоторые криминалисты не считают возможным давать какие бы то ни было рекомендации по оценке своего вывода.

Из предложенных в криминалистике определений почерка предлагается изъять некоторые несущественные признаки определяемого (например, перечень отображаемых в почерке навыков) и рассматривать почерк в качестве относительно самостоятельного явления, в котором понятие «письменный навык» принадлежит фундаментальное значение. В нем синтезируются представления о менее сложных навыках: техническом, графическом и орфографическом. В работе предлагается следующее общее определение: почерк — это отображенная в рукописи (подписи) система движений, характеризующая письменный навык. Такое определение хорошо согласуется со структурой процесса отождествления исполнителя почеркового объекта. В процессе почерковедческой экспертизы исследователь средствами эмпирического познания устанавливает отношение тождества (различия) между почерковыми объектами, а затем средствами логики — с навыком к письму определенного лица, т. е. производит отождествление навыка по его материальному отображению.

На конкретных примерах в работе показано, что пишущий может владеть не одним, а несколькими, довольно существенно различающимися между собой письменными навыками, например, хорошо писать левой и правой рукой. Фундаментальная проблема судебного почерковедения состоит в том, чтобы исследовать пределы различий между неодинаковыми навыками одного пишущего, переносы признаков почерка с одного навыка на другой и разработать основы отождествления исполнителя рукописей, в которых отображены разные навыки одного пишущего.

Почерку (имеется в виду материальное отображение одного и того же навыка) присущи четыре основных свойства: индивидуальность в пределах одного навыка, относительная устойчивость, прогаммность и вариабельность. Расширенное определение почерка включает в себя перечень указанных свойств.

Различия между почерками разных лиц, пишущих одной и той же системой письма, названы в работе внешними. Напротив, различия признаков почерка в рукописях, выполненных одним и тем же лицом, вне зависимости от использованного навыка, названы внутренними. Легко заметить, что индивидуализация конкретного почеркового объекта связана с оценкой этих двух групп различий: она может быть правильной при условии объективно верного отграничения внутренних различий от внешних.

Поиски средств для «различения различий» — вторая весьма важная проблема судебного почерковедения. Анализ практики повторных почерковедческих экспертиз, изложенный в работе, показывает, что в подавляющем большинстве случаев ошибочность выводов экспертизы обусловлена неправильной оценкой различий: либо внутренние различия принимаются за существенные внешние, либо внешние оцениваются как несущественные внутренние.

В работе проведена систематизация внутренних различий почерка по группам причин их возникновения на следующие классы:

1. Различия, обусловленные искажением своего почерка: а) путем изменения общих характеристик — темпа письма, размера, наклона, расстановки, связности, строения знаков; б) путем подражания почерку (подписи) другого лица; в) путем подражания стилизо-

ванному письму при отсутствии у писавшего навыка к такому письму, г) путем использования для письма непривычных органов тела, например, вместо привычного письма правой рукой текст пишется левой.

2. Различия, обусловленные использованием пишущим неодинаковых навыков и возникающие при: а) использовании неодинаковых графических систем (скорописи, чертежных шрифтов, иностранных алфавитов и др.); б) письме разными органами тела, если пишущий умеет ими писать, например, правой и левой руками.

3. Различия, обусловленные необычными условиями письма: а) применение непривычных, несовершенных или дефектных орудий письма; б) использование необычной или ненадлежащей подложки; в) применение необычной позы; г) выполнение акта письма в движении.

4. Различия, обусловленные необратимыми изменениями письменного навыка, модификацией условно-рефлекторных связей, координирующих двигательные навыки.

5. Различия, обусловленные кратковременным необычным психофизиологическим состоянием писавшего: нервное напряжение, переутомленность мышечной системы и др.

Принцип индивидуальности почерка вовсе не означает, что почерк разных лиц не может иметь сходства. Опыт судебного почерковедения свидетельствует о том, что нередко встречается сходный почерк у членов одной семьи, у людей одной профессии, у соучеников, а подписи — у однофамильцев и т. д. В работе выделено четыре больших класса сходных объектов судебного почерковедения: а) простые невыработанные почерки; б) стилизованное письмо; в) сходные почерки в скорописи и г) сходство, обусловленное подражанием чужому почерку или стилизованному письму.

Когда исследуются сходные почерковые объекты, их индивидуализация оказывается чрезвычайно сложной и может быть осуществлена путем дифференциации объектов. Это, в свою очередь, позволяет выявить индивидуализирующие объекты признаки, которые используются для последующего отождествления исполнителя. В работе описана методика дифференциации, основные особенности которой состоят в следующем:

а) Методика применяется в случаях, когда хотя бы два объекта были действительно сходными и, вместе с тем, в распоряжении исследователя были почерки не менее двух вероятных исполнителей (третьим сопоставимым объектом является спорный объект). В случаях исследования стилизованного письма одним из сопоставимых объектов будет соответствующий стандартный шрифт. Тогда для применения методики достаточно объекта — вещественного доказательства и образцов почерка одного подозреваемого исполнителя. При исследовании скорописи должны быть почерки не менее двух подозреваемых лиц и объект — вещественное доказательство. Из этого требования вытекает следствие: методика неприменима при исследовании подписей на подлинность.

б) Процесс сравнительного исследования складывается из двух этапов. На первом два сходных объекта сравниваются с целью выявления не совпадений, а различий. В результате исследователь будет

располагать дифференцирующими совокупностями признаков — системами признаков, которые, с одной стороны, разграничивают сходные объекты, с другой — являются индивидуализирующими для каждого почерка. На втором этапе эти системы признаков — различий сравниваются с признаками третьего объекта. В случае, если одна дифференцирующая совокупность признаков совпадает, следует вывод об отношении тождества, а объект, дифференцирующая совокупность признаков которого остается различающейся, исключается из отношения тождества.

в) При сравнительном исследовании не все признаки используются для дифференциации. Хотя сходство — относительная категория, в сходных почерках, как правило, оказываются совпадающими общие признаки. Дифференциация с целью выявления наиболее характерных признаков может проводиться только по частным признакам.

Описанной методике, как и любой другой, присуща определенная ограниченность. Однако ее эффективность при решении задач судебного почерковедения была проверена экспертной практикой диссертанта. Общие принципы дифференциации могут быть использованы и в других случаях, например, при установлении условий, в которых выполнялся конкретный почерковый объект. Это достигается путем вычленения различий в почерке исполнителя, возникших под влиянием необычных (неоптимальных) условий письма, и их оценке.

В работе описаны особенности применения методики к исследованию стилизованного письма и скорописи, разработана система признаков для характеристики объектов, выполненных стилизованным письмом, описаны примеры исключения из отношения тождества ряда объектов по одной дифференцирующей совокупности и другие практические вопросы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Дифференцирование штрихов по следам, оставляемым пером на бумаге при письме. Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистической экспертизы. ВЮОН-ЦКЛ, М., 1958.
2. Гашение и измерение инфракрасной люминесценции при восстановлении невидимых и слабо видимых записей. Материалы научной конференции. Киев, 1959.
3. Дифференцирование одноцветных чернильных штрихов методом инфракрасной люминесценции. Сб. Вопросы судебной экспертизы ЛГУ — ДНИЛСЭ, Л-д, 1960.
4. Некоторые способы дифференцирования одноцветных карандашных штрихов. Сб. Проблемы судебной экспертизы. ЦКЛ, М., 1961.
5. Дифференцирование как методический подход к установлению группового тождества. Материалы научной конференции. Ташкент, 1961.
6. Теоретические положения методики сравнительного исследования при дифференцировании. Сб. Вопросы судебной экспертизы. Тбилиси, 1962.
7. Познавательное значение различий внутри тождества и место дифференцирования в криминалистике. Сб. Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Тадж. ГУ-НИЛСЭ, Душанбе, 1962.
8. Групповая принадлежность и роль дифференцирования в судебной экспертизе. Материалы научной конференции. Киев, 1963.
9. О сущности и роли дифференцирования в судебной экспертизе. Сб. Судебная экспертиза. Изд. «Высшая школа», Минск, 1964.
10. Фотохимическое обесцвечивание красителей как метод криминалистической техники. Там же.
11. Теоретическое объяснение экспертизы факта в криминалистике. Там же.
12. Установление характеристик колюще-режущего орудия по разрезам на одежде. Материалы 5-й расширенной научной конференции. Изд. «Здоровье», Киев, 1964.
13. Трассология неогнестрельных отверстий на одежде. Изд. «Высшая школа», Минск, 1965. Рецензию на книгу см. Б. Аугустинас, Б. Кольцов. Полезное пособие для экспертов-трассологов. Сб. Экспертиза при расследовании преступлений. Вып. 4, Вильнюс, 1965.
14. Система повреждений одежды потерпевшего и ее значение для трассологических исследований. Сб. Проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1965.
15. К вопросу о методе криминалистики. Сб. Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью. Изд. «Полымя», Минск, 1965. Переведена на чешский язык.
16. Проблема различий в почерке и его индивидуализация. Там же.
17. Дифференциация в технической экспертизе документов. Сб. Экспертная техника. ЦНИИСЭ, М., 1963.
18. Дифференцирование при исследовании сходных почерков. Сб. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. III. Киев, 1963.
19. Соотношение тождества и различия (на материале криминалистики). Изд-во «Наука и техника», Минск, 1968. Рецензию на книгу см. Н. Селиванов, А. Эйман, Ж. «Социалистическая законность», 1969, № 6.

20. Категория индивидуального тождества в криминалистике. Сборник научных работ. Вып. III. Вильнюс, 1968.

21. Соотношение тождества объективного, субъективного и формальнологического. Сб. Вопросы судебной экспертизы. Вып. 10, Баку, 1969.

22. Естественнонаучное представление о тождестве — различии и основные категории криминалистики. Сб. Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы (материалы научной конференции). Вып. 2, М., 1969.

23. Установление механизма транспортного происшествия по повреждениям одежды потерпевшего. Материалы 5-й Всесоюзной научной конференции судебных медиков, т. I. Изд-во «Медицина», Л-д, 1969.

24. Об особенностях построения системно-структурных моделей в конкретных социально-правовых исследованиях. Сб. Проблемы социологических исследований в праве. Вильнюс, 1970.

25. Некоторые выводы из опыта применения ЭВМ в судебном черчении. Сб. Экспертиза при расследовании преступлений. Вып. 8, Вильнюс, 1970 (в соавторстве).

26. Об особенностях материального отображения. Там же.

27. Структура тождества и информация. Сб. Экспертиза при расследовании преступлений. Вып. 9, Вильнюс, 1971.

28. Три концепции идентификации в советской криминалистике. Сб. Процессуальные и методические вопросы судебной экспертизы (Материалы научно-практической конференции). Таллин, 1971.